

александр
ЖИТИНСКИЙ

ФИГНЯ

амфора

Александр Николаевич Житинский
Песнь торжествующей любви
Серия «6. Кинопроза и либретто»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171070
Фигня: Амфора; СПб.; 2000

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Александр Житинский

Песнь торжествующей любви

*История для кино по
мотивам одноименной
повести И. С. Тургенева*

* * *

Бледные летние сумерки спускались на Дворцовую площадь. Приближалась таинственная минута прихода белой ночи с ее особой прозрачностью и объемностью, когда каждая тень и каждый звук живут своей частной жизнью и полны смысла и значения.

В Петербурге гуляли. Гуляли в трактирах и питейных заведениях, в гостиницах и ресторанах, во дворцах, на Островах. Гуляли и в Зимнем, во внутреннем летнем саду, за прикрытыми коваными воротами. Зеваки из народа группками стояли поодаль, глядя на освещенный проем ворот, за которыми разыгрывалось волшебное действо.

Оттуда доносилось:

– Карету Великого князя Сергея Александровича!

Цокали копыта лошадей, карета подъезжала к дверям, и через несколько секунд выезжала из освещенного двора на площадь – блистающая, парящая, со счастливым бородатым лицом кучера, сидящего на верхотуре.

– Экипаж княгини Бекетовой!

И выезжал экипаж с лакированными дверцами, за которыми в пене кружев виднелось оживленное лицо молодой княгини и позументы офицера, сжимающего маленькую ладонь в своих руках.

– Авто фрейлины двора Его Императорского Величества Валерии!

Открытый автомобиль с шофером в огромных очках и черных перчатках с раструбами подкатил к дворцовым дверям. Из них вышла молодая стройная женщина в кожаных галифе, длинном пиджаке и кожаном шлеме. Шофер распахнул дверцу и помог ей сесть в авто. Женщина надела автомобильные защитные очки, и авто мягко тронулось.

Когда автомобиль проезжал мимо зевак, последние испуганно крестились.

Мягко покачиваясь на шинах, авто выехало на Мойку и повернуло к Конюшенной. Вода масляно перекатывалось под мостами, черные удилища рыболовов на фоне бледного неба застыли в ожидании клева, а в воздухе был разлит ка-

кой-то неясный звук, будто нечаянно задетая струна, затихая, тянет и тянет свою тревожную ноту.

Валерия сидела прямо и глядела перед собою. Так же строг и торжествен был ее шофер в кожаных крагах.

Спас-на-крови, Екатерининский, нищие с провалами вместо глаз, целующиеся парочки в сени Михайловского, пьяный матрос с бескозыркой в руке – все это проплывало мимо, будто во сне.

Недвижимо было лицо Валерии.

Где-то заиграла шарманка. Золотые морды грифонов, державших висячий Банковский мост, выплыли из сумрака и скрылись в нем. Юродивый увязался за автомобилем, громко бормоча:

– Антихристовы спицы! Истинно так! Царевну-лягушку везут! Истинно говорю!

И отстал.

Как вдруг все звуки разом оборвались. Валерия повернула лицо и встретила взглядом – внезапно, будто с разбегу налетела на стенку – с лицом господина лет тридцати пяти, лицом смуглым, с усами и бородкой, с длинной шевелюрой и слегка раскосыми глазами.

Он стоял у ограды канала и смотрел на Валерию столь пронзительным взглядом, что она отшатнулась и, повернувшись к шоферу, воскликнула:

– Ну что же так медленно, Георгий! Быстрее! Быстрее!

Авто рванулось вперед и исчезло за поворотом.

Незнакомый господин проводил его глазами, по лицу его скользнула усмешка. Рядом с ним стоял низкорослый азиатский человек с длинными висячими усами и абсолютно непроницаемым взглядом.

Авто мчалось по загородному шоссе в направлении к востоку, где уже рождалась новая заря.

Валерия сняла очки и кожаный шлем. Ее волосы развевались на ветру, она задыхалась от встречного ветра. На лице отражалось смтение. Смуглое лицо с бородкой, встретившееся ей по пути, напоминало о себе, всплывая в памяти.

Авто въехало в ворота богатого особняка, прятавшегося в парке. Валерия вышла из автомобиля и быстрым шагом пошла по аллее к дому, где светилося единственное окно.

Слуга открыл ей дверь, она вошла в полутемный холл. Дверь во внутренние апартаменты отворилась, и навстречу Валерии вышел ее муж Иннокентий – молодой, но уже начавший полнеть мужчина в роскошном китайском халате. Он поспешил к жене и заключил ее в объятия.

– Ты припозднилась, дорогая... Александра Федоровна удержу не знает. А был ли граф Кутайсов? – спрашивал он жену, в то время как она, спрятавшись у него на груди, молча поглаживала рукою блестящие шелковые цветы на халате мужа.

– Да что с тобой? – удивился он, отстраняя ее.

– Устала, – улыбнулась она, поднимая лицо. – А Кутайсов был, конечно, и опять волочился за Нинель Соколицыной, а та опять делала все возможное, чтобы ее муж это заметил, а Соколицын лишь делал вид, что ревнует, а сам подволакивался за Соней... Скучно, Иннокентий!

– Лера, мне дела нет, за кем волочился Кутайсов! – воскликнул Иннокентий. – Он проиграл мне месяц назад семьсот рублей и не едет. Я думал, он приболел, а он, оказывается, на балах... на балах...

Говоря это, Иннокентий уже вел под руку жену вглубь квартиры. Они миновали просторную гостиную и оказались в спальне с застекленными дверями, выходившими в сад. За окном в саду горели газовые фонари, шевелились ветви деревьев, отбрасывая на дорожки узорчатые тени, белели в темноте садовые скульптуры.

Валерия выглядела уже успокоенной привычным семейным уютом и заботливостью мужа. Она на ходу скинула пиджак и, подхватив пенюар, удалилась в ванную комнату.

Там она не спеша разделась, внимательно вглядываясь в большое зеркало, как вдруг в зеркале потемнело, оно разверзлось в глубину и открыло перед Валерией какой-то восточный город с купеческим караваном, бредущим к базару, а сбоку выдвинулся из-за рамы ровно на пол-лица тот самый смуглый господин, который встретился ей сегодня на Екатерининском.

Валерия вскрикнула и отшатнулась от зеркала.

Этот ее крик слышал муж в спальне. Он встрепнулся, затем на цыпочках подошел к двери ванной комнаты и прислушался.

За дверью было слышно журчанье воды.

Иннокентий поднес к двери мягкий пуфик и взобрался на него, вытянувшись на цыпочках. Над дверью в ванную было стекло, туда ему и удалось заглянуть.

Он увидел сидящую в ванне Валерию, окруженную белоснежной пеной. Она обнимала эти громоздящиеся хлопья, притягивала к себе, купалась в них, будто занимаясь изысканной любовной игрой...

Пуфик под Иннокентием предательски вывернулся, муж упал на ковер.

Утром они завтракали в столовой. Подавал старый камердинер Николай в ливрее. Разговор шел о занимававших обоих супругах спиритических сеансах, мода на которые установилась в Петербурге.

– ...И тогда барон Краевский спрашивает у души Леонардо... Нет, ты только послушай, Лера. Поручик Краевский обращается к великому Леонардо! Буквально в следующих выражениях: «Не соблаговолит ли господин да Винчи ответить на вопрос, кто ему более по душе – блондинки или брюнетки?» Ну и натурально начинают двигать блюдечко по столу...

Валерия слушала рассеянno, мысли ее были заняты другим. Она помешивала ложечкой кофе, на устах была деланая улыбка.

– И вот стали появляться буквы. Первая – «бэ», вторая почему-то «о». Тут все переглянулись. Далее последовали «эль», «вэ», «а» и «н»! Бол-ван! Вот так душа Леонардо ответила на вопрос барона!

Иннокентий засмеялся, довольный собою и этой историей. Валерия была безучастна, но муж, казалось, не замечал этого.

– Как ты считаешь, этот случай говорит в пользу спиритизма? Я думаю, да, поскольку душа Леонардо не солга...

– Венедикт вернулся, – внезапно тихим голосом перебила его Валерия.

– Что? Венедикт? Какой... Ах, Венедикт!..

Лицо Иннокентия на мгновение омрачилось. Он пробарабанил пальцами по столу, что-то обдумывая, потом обратился к камердинеру.

– Николай, будьте добры, у меня в библиотеке над столом, третья полка. Черный кожаный альбом. Принесите, пожалуйста...

Камердинер удалился.

Несколько секунд длилось молчание.

– ...Хм... Я не понимаю... Почему ты так взволнована? – наконец начал он. – Дела давно минувших дней, преданья, так сказать...

Вернулся камердинер с толстым кожаным альбомом. Иннокентий положил его себе на колени, отодвинувшись от стола, и раскрыл. В альбоме были акварели, изображавшие человеческие фигурки в саду, берег пруда, качели, особняк...

— Как я писал... — покачивая головой приговаривал Иннокентий, перелистывая альбом. — Боже мой...

На одном из разворотов альбома находился сложенный вчетверо лист бумаги. Иннокентий развернул его и прочел:

— «Мой любезный и единственный друг! С горечью извещаю тебя, что я принял решение покинуть родину...»

Акварель в альбоме, изображавшая зимний лес с тяжелыми синеватыми шапками снега на ветвях елей, ожила и открыла заснеженную аллею, окруженную зимними деревьями, по которой двигался юноша в студенческой шинели и фуражке.

Ветер сметал с веток снег, кружил метелью.

Навстречу издалека приближалась фигура другого юноши, который был в шубе и в меховой шапке. Они встретились на деревянном мостике, перекинутом через замерзшую речку.

Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу, потом обнялись. Что-то было сказано между ними, какие-то короткие слова, но их не слышно было по причине завываний ветра. Потом, резко повернувшись, молодые люди разошлись в разные стороны.

Валерия вошла в особняк, принадлежащий ее матери, – старый деревянный двухэтажный дом на Каменном острове. Ее встретила пожилая служанка, ее бывшая няня. Кланяясь и целуя Валерии руки, няня приговаривала:

– Лерочка, золотце, светик наш ясный... Пошто так редко заходишь?

– Ой, нянюшка, времени все нет.

– Чай по балам...

– Матушка дома?

– Где ж ей быть? Она ныне все больше дома... Кыш! Кыш, вертихвостки! – отогнала она нескольких кошек, сбежавшихся тоже встречать Валерию.

Это был настоящий кошачий приют. Пока Валерия поднималась на второй этаж к матушке, она встретила, наверное, с полдюжины кошек, которые располагались в самых неожиданных местах этого старинного особняка.

Матушка встретила дочь, сидя на софе в окружении кошек, которым она повязывала банты.

Они расцеловались.

– У нас сегодня день рождения Макса, – матушка указала на пушистого белого кота, лежащего на подушке. На коте было что-то вроде орденской ленты.

– Поздравляю... – Валерия рассеянно улыбнулась. – Маман, вы помните Венедикта?

– Венедикта? – матушка вопросительно подняла брови. –

Ах, Венедикта! Помню, конечно! Он сватался к тебе, не правда ли? Сколько же времени прошло?

– Пятнадцать лет, – быстро ответила Валерия.

– Господи, как время летит! – вздохнула матушка.

– Маман, мне необходимо письмо...

– Какое же?

– Ну как же! Помните то письмо, в котором Иннокентий и его друг... – она замялась. – Письмо, с которым я пришла к вам. Письмо, которое решило мою судьбу...

– Ты недовольна своей судьбой? – спросила матушка.

– Нет, не о том речь. Я счастлива с Иннокентием... Но я хотела бы взглянуть на то письмо.

– Изволь, – пожала плечами мать.

Она подошла к комоду, отперла один из ящиков ключом, выдвинула его и принялась рыться. Предметы, которые она при этом извлекала и клала на верхнюю крышку комода, были весьма неожиданны, если не сказать больше.

Здесь были золотой портсигар, иконка в окладе, фотографические карточки молодых офицеров, какой-то чулок, который матушка некоторое время с удивлением рассматривала, опознавая, колода карт, засохшая хризантема, записная книжка с золотым тиснением... Последним был извлечен маленький револьвер.

– Подумать только, из этого он застрелился! – вслух удивилась матушка.

– Кто? – спросила Валерия.

– Ты не знаешь.

Наконец она нашла пакет, перевязанный розовой ленточкой. Развязала его и извлекла оттуда конверт.

– Вот это письмо. Как они его вдвоем писали? Непостижимо!

Она передала письмо Валерии. Та достала листок из конверта. Каллиграфический почерк расплывался, открывая картину давних лет, начало этой романтической истории...

А тогда зимой был рождественский бал в Институте благородных девиц в Смольном.

Институтки в масках «домино» танцевали со студентами в гусарских костюмах, тоже в черных полумасках. Это был какой-то медленный танец типа котильона, тягучий, томный, изысканный. Он тянулся долго и наконец закончился. Пары, не покидая центра зала, повернулись в одну сторону и замерли в ожидании.

За танцем наблюдало жюри, состоящее из пожилых дам и господ. Когда музыка смолкла, распорядительница бала поднялась и объявила:

– Дамы и господа! Решением нашей высокой комиссии победительницей в танцклассе объявляется маска «ночь Мадрида».

Маска сделала книксен.

Зрители, среди которых были Иннокентий и Венедикт, бурно зааплодировали.

– Мы попросим госпожу маску раскрыть свое инкогнито! – выкрикнул с места румяный старичок, тоже член жюри.

Победительница сняла маску и все увидели юную институтку Валерию. Шум прошел по залу.

– Валерия! Это Валерия!

– Я так и знал!

– Слава Валерии!

А ее партнер, не снимая своей маски, под звуки музыки обвел свою партнершу по кругу вдоль публики.

Когда Валерия проходила мимо друзей, она кинула на них взгляд. Оба юноши приняли его жадно, взоры их пылали, они тянулись к ней в едином порыве, а когда она прошла, Венедикт первым развернулся и бросился бегом прочь из зала. Иннокентий последовал за ним.

Они выбежали на балкон с балюстрадой; часто дыша, остановились у перил. Облачки пара вылетали изо рта. Внизу были огни города, наверху сияли звезды.

– Какая девушка! Я никого не знаю красивей! – воскликнул Венедикт.

– Ты прав. Я положительно влюбился в нее, – отвечал Иннокентий.

– Нет, это я влюбился! Я! Слышишь? И буду добиваться ее благосклонности.

– Но позволь, Венедикт. Как же быть мне? Мы ведь друзья с тобой. Нам не пристало быть соперниками, – возразил ему

Иннокентий.

– Как знаешь, как знаешь... В любви друзей нет.

– Тогда я тоже буду добиваться ее. Но дай мне слово, что ты безропотно покоришься ее решению, даже если оно будет тебе не по сердцу, – сказал Иннокентий.

– Ты надеешься выиграть?

– Надеюсь.

– Ну, тогда поклянемся на крови, что наша борьба будет честной! – бросив на друга пламенный взгляд, предложил Венедикт.

Они оба обнажили запястья, подняв рукава. Венедикт первым провел бритвой по коже и передал бритву другу. Иннокентий тоже полоснул себя по руке. Они прижали запястья друг к другу. Кровь текла из надрезов, стекала в ложбинку, образованную сдвинутыми запястьями, смешивалась там, капала на камень...

– Клянусь! – сказал Иннокентий.

– Клянусь! – повторил Венедикт.

Лилась прекрасная музыка, окна особняка, подернутые морозными узорами, таинственно светились в темноте. Там, за стеклом, в уютной комнате при свечах Венедикт давал урок на флейте Валерии.

Они играли вместе какую-то мелодию, и он бросал на Валерию выразительные взгляды, отчего она смущенно прятала глаза.

Окно подернулось инеем и скрыло эту картинку, а потом открыло другую. В той же комнате урок живописи Валерии давал Иннокентий. Она сидела за столом, а он, склонившись над ней, водил ее рукой с кисточкой по листу бумаги. Там оставался след акварели.

И вот уже какие-то разговоры, которых мы не слышим, и споры, и смех... Портьеры и драпировки. Обстановка домашнего театра. То один юноша, то другой завладевают вниманием Валерии, что-то горячо говорят, жестикулируют. Капает воск с горящих свечей. Горит огонь в камине. Каминные часы отбивают часы и минуты.

Иннокентий распахнул дверь и вошел к своему другу в кабинет, в центре которого стоял маленький рояль. Венедикт что-то импровизировал на фортепьяно, прикрыв глаза. Иннокентий подошел к нему сзади и осторожно прикрыл крышку рояля. Венедикт убрал руки с клавиатуры, вопросительно посмотрел на друга.

– Я пришел тебе сказать, что так больше продолжаться не может, – начал Иннокентий.

Венедикт молчал.

– Я чувствую, что ты становишься мне... неприятен. Я не хочу этого. Ты мой друг, а дружба для меня... Почему ты молчишь, Венедикт?

Тот усмехнулся, взял с крышки рояля флейту, приложил к губам и просвистел музыкальную фразу.

– Я люблю ее, и ты ее любишь. Все более и более... – горячась, продолжал Иннокентий. – Но я не знаю, я не смею...

Венедикт опять ответил музыкальной фразой.

– Скажи, ты целовал ее? Целовал?

Венедикт просвистел ответ, из которого явствовало, что это пока несбыточная мечта для него.

– Да прекрати ты дурачиться! – воскликнул Иннокентий.

Венедикт внезапно резким движением положил флейту на рояль, глаза его блеснули.

– Я не дурачусь!

– Но что делать? Она не дает никому форы, мы... мы играем в благородство. А время идет!

Венедикт мрачно слушал, потом отвернулся.

Иннокентий силою повернул его к себе.

– Ты будешь слушать меня?!

И тогда Венедикт, вцепившись ему в лацканы с неимоверной силой, тряхнул его, черты его исказились, и он проорал:

– Я ненавижу тебя! Ненавижу!

Еще секунда – и они схватились бы в поединке, но Иннокентий первым оттолкнул друга, отвернулся, закрыл лицо руками.

– Прости, я не хотел... – сказал он.

– Да, да... Прости, – опустил голову Венедикт.

Иннокентий решительно подошел к столу, положил лист бумаги, придвинул чернильницу, нашел перо.

– Иди сюда. Пиши, – он протянул перо другу.

– Я ничего писать не буду. Хочешь, пиши сам, – ответил Венедикт.

– Давай напишем ей письмо. Честно и открыто. Пусть она решит, – сказал Иннокентий, садясь за стол.

Венедикт пожал плечами.

Валерия стояла перед матушкой и читала письмо вслух.

Матушка сидела в постели, укрыв ноги одеялом, на голове чепец, пеньюар с воланами. На коленях дремал кот. В головах супружеской кровати висел писанный маслом портрет покойного отца Валерии – по-видимому, видного чиновника, с Владимиром 1 степени.

– ...поэтому реши нашу судьбу. Мы оба пылаем к тебе любовью, мы оба сочли бы за счастье идти с тобою под венец, но судьбе угодно, чтобы один из нас был отвергнут. Назови счастливец и пожалей несчастного. Если же мы оба немилы тебе, то мы покоримся и этому, но тогда ты разобьешь два сердца вместо одного... Подписано: Венедикт и Иннокентий.

Матушка погладила кота.

– Кто ж тебе мил? – спросила она.

– Не знаю. Воля ваша, матушка.

– Этот больно уж... крут, – сказала матушка. – А тот...

Надо батюшку спросить, – воздела она глаза к портрету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.